

БЕСЕДА М.С. ГОРБАЧЕВА С СЕНАТОРОМ Э. КЕННЕДИ

6 февраля 1986 года

КЕННЕДИ. Я очень рад иметь возможность обсудить с Вами вопросы ограничения вооружений. Достижение прогресса в этой области я считаю самой важной проблемой. Покойный Президент Дж. Кеннеди считал, что Договор о запрещении ядерных испытаний в трех средах является его самым важным достижением.

ГОРБАЧЕВ. Да, и об этом необходимо помнить.

КЕННЕДИ. Он очень сожалел, что не удалось договориться о полном запрещении ядерных испытаний, хотя эта цель была столь близка.

Вопросы контроля над вооружениями занимали особое место в деятельности покойного Президента, сенатора Роберта Кеннеди, а также в моей собственной деятельности. Два года назад я внес на рассмотрение сената проект резолюции в поддержку полного запрещения ядерных испытаний. Нам удалось тогда получить в сенате 73 голоса за эту резолюцию. Вместе с сенатором Хэтфилдом я был автором проекта резолюции о необходимости замораживания ядерного оружия. Когда этот проект три года назад был поставлен на голосование в сенате, его провалили с преимуществом всего в четыре голоса, а в палате представителей – его забаллотировали большинством лишь в один голос.

Сейчас в результате встречи на высшем уровне создалась новая атмосфера. Американцы надеются, что добрая воля, явившаяся результатом встречи, приведет к достижению конкретных договоренностей. Нам хорошо известна широкая программа в области контроля над вооружениями, с которой Вы, господин Генеральный секретарь, обратились к Соединенным Штатам и ко всему миру. Многие элементы этой программы, я убежден, таят в себе огромный потенциал, большие возможности.

В то же время отчасти результатом этого духа доброй воли является то, что у Президента появилась возможность чувствовать себя более свободно, у него теперь больше времени, а давление, осуществляемое американской

общественностью через конгресс в пользу достижения скорейших результатов на переговорах, ослабло. У американцев создалось впечатление, что если в результате встречи на высшем уровне в отношениях наших стран появился новый дух, то, наверное, достигается и какой-то прогресс в переговорах.

ГОРБАЧЕВ. Подобные иллюзии весьма опасны.

КЕННЕДИ. Вот именно. Я понимаю, что, может быть, кажется парадоксальным, что надежды на успех, появившиеся в результате встречи, делают более трудными достижения результатов по конкретным вопросам ограничения вооружений. Но, к сожалению, именно так обстоит дело, если учесть сложившееся у американцев впечатление.

ГОРБАЧЕВ. Вот именно поэтому мы решили выйти с нашими предложениями публично, обнародовать их перед всем миром. Мы хорошо видим стиль, подход Президента и всей американской администрации. Она постоянно пыталась подталкивать нас к тому, чтобы все вопросы рассматривались только конфиденциально. Это проявилось и до Женевской встречи. Идея, которая лежит в основе такого подхода, нам ясна. За ним скрывается стремление создать впечатление диалога, что, дескать, вопросы обсуждаются, идет обмен письмами и тому подобное, но при этом препятствуют всякому прогрессу в решении вопросов разоружения. Такой подход нужен тем, кто хочет использовать переговоры и контакты как прикрытие для своих военных программ, запустить военную машину на полный ход, чтобы она дошла до той черты, когда последствия будут уже совершенно непредсказуемыми.

Вот почему мы обращаемся со своими предложениями не только к администрации США, но и к народам. Но когда мы развертываем наши предложения перед народами, перед общественностью, администрация начинает утверждать, что это не деловой подход, а просто пропаганда.

Мы видим в тактике американской администрации и другое. Это — утверждения, что, мол, если русские пошли сейчас на переговоры, пошли на

встречу в верхах, то лишь потому, что Соединенные Штаты проявили силу, осуществляя свои военные программы.

Подобные шаги американской администрации показывают нам, что у нее нет серьезных намерений в области сокращения ядерного оружия и что с данной администрацией вряд ли можно рассчитывать на реальный прогресс на переговорах по этому вопросу. К сожалению, конгресс помогает администрации в этой игре. Это просто не укладывается в голове, не соответствует нормальной логике.

Посмотрим на положение реалистически. Как обстоит дело? В наших предложениях от 15 января изложена программа, которая по своему характеру, масштабам, содержанию превосходит все, что когда-либо выдвигалось Советским Союзом. Ведь продлевая мораторий, запрет на ядерные взрывы, мы пошли даже на определенный ущерб для своих собственных программ. А такие программы нам нужны, учитывая те задачи, с которыми мы сталкиваемся в результате брошенного нам вызова. Посмотрите хотя бы, какая концентрация ядерного оружия, включая английские и французские ядерные вооружения, противостоят нам в Западной Европе. Но мы пошли на снятие наших требований относительно английских и французских ядерных сил, и не только не требуем их сокращения, но и не настаиваем на их зачете на первом этапе нашей программы, а лишь на то, чтобы они не увеличивались. А ведь это большой шаг, в какой-то степени ущерб реальному паритету. Мы пошли на это для того, чтобы показать серьезность наших намерений американской администрации, американскому народу, западноевропейцам и всему миру.

А каков ответ американской администрации? Она заявила, что в наших предложениях много позитивного. И всё. **Цель в том, чтобы показать, что дела идут вроде бы позитивно, и успокоить общественность. А «свободная» американская пресса хранит тем временем молчание.**

Что касается администрации, то ее позиция нам ясна. Она поставлена у власти военно-промышленным комплексом и действует под его диктовку.

Правда, Президенту не понравилось, когда я говорил ему о влиянии военно-промышленного комплекса. Но остается фактом, что любое сокращение ядерных вооружений для военно-промышленного комплекса – то нож острый. А что же американский конгресс, который представляет весь американский народ? Если американцы хотят мира, а мы уверены, что это так, то чьи интересы представляет конгресс – американского народа или той узкой группы людей, которая извлекает выгоду из осуществления военных программ? Разве американская общественность, американский народ не чувствуют, куда мы идем, больше того, куда мы уже пришли в военной конфронтации между нашими странами?

Наши две страны – мощные государства. Неужели у них не хватит мудрости, политической воли, мужества, чтобы перестроить наши отношения, уйти с опасного пути. Развитие техники, сделавшее возможным появление ядерного оружия, требует от политических руководителей государств сделать все для того, чтобы наши два народа не были врагами, ибо допустить такое было бы огромной политической ошибкой, способной поставить под угрозу всю человеческую цивилизацию.

Так вот я Вас спрашиваю: что же, в конце концов, происходит? Чего хотят Соединенные Штаты?

КЕННЕДИ. Когда я слушал то, что Вы, господин Генеральный секретарь, говорили о настроениях американцев, то думал о том, что определением для этих настроений является совсем другое. Американцы наблюдали, как Вы с Президентом Рейганом провели несколько часов в беседах с глазу на глаз, как Вы в конце встречи опубликовали совместное заявление, и у них сложилось впечатление, что все идет хорошо. Вспомните, в свое время американцы, приезжавшие в Москву, говорили с высокопоставленными деятелями вашего правительства, которые утверждали, что если не будет существенного прогресса, то и не будет встречи в верхах. А сейчас американцы видят Вас по телевидению, и они слышали, как в Вашем новогоднем обращении было сказано, что все хорошо.

ГОРБАЧЕВ. Я помню, что я говорил в своем обращении. И должен Вам сказать: Ваша характеристика моего обращения не совсем соответствует действительности.

КЕННЕДИ. Но я имею в виду, скорее, эффект самого события. Сам факт Вашего выступления, то, что оно последовало за встречами в верхах, имело не меньшее значение, чем конкретные сказанные Вами слова.

Я лично считаю, что Вы выдвинули большую, всеобъемлющую программу. Но эта программа весьма сложна, и американцам довольно трудно охватить ее всю, если их внимание не сосредоточено на каком-то одном, главном вопросе. Я считаю, что прогресс возможен только в том случае, если будут установлены четкие сроки, строгий график продвижения вперед. Думаю, сейчас было бы правильно определить в качестве такого жесткого срока – июнь этого года и сказать, что если к этому времени будут достигнуты определенные результаты, в частности в такой области, как ядерные ракеты промежуточной дальности, то встреча произойдет. Если же администрация затянет дело, то в сентябре Ваша поездка уже совпала бы с предвыборной кампанией, а то и вообще ее пришлось бы отложить до поздней осени. В этом случае в сенате, в конгрессе США так и не начнется дискуссия по вопросу ограничения вооружений. Он будет просто замалчиваться. И в такой атмосфере определяющим будет впечатление, что, дескать, дело идет, Рейган и Горбачев о чем-нибудь, в конце концов, договорятся. И если бы я предложил в сенате проект резолюции о полном запрещении ядерных испытаний или о замораживании ядерного оружия, то мне сказали бы: зачем Вы мешаете? Вы же видели, встреча на высшем уровне состоялась, Горбачев выступил по американскому телевидению, в Женеве ведутся переговоры. Так зачем же мешать?

Если же установить жесткий срок, то тогда можно было бы создать в США среди американских избирателей определенное общественное мнение. Сейчас все тихо, но если поставить жесткий срок, как я предлагаю, то люди

увидят, каково положение, станет ясно, что предлагает Советский Союз и от чего отказываются Соединенные Штаты.

ГОРБАЧЕВ. Думаю, что по существу наши с вами взгляды во многом совпадают.

В ноябре мы пошли на встречу в верхах потому, что признавали необходимость провести, наконец, встречу руководителей наших двух стран. Мы считали просто совершенно ненормальным шестилетнее замораживание непосредственных контактов руководителей СССР и США, считали, что необходимо, наконец, начать движение навстречу друг другу. Мы уверены, что необходимо перестроить наши отношения, перестроить наше мышление, искать возможности сотрудничества, обсуждения и решения вопросов, от которых зависит судьба мира во всем мире. Мы пришли к выводу, что в этих условиях оправданным является проведение встречи в верхах для общего обмена мнениями, общего обзора положения. Дискуссии в ходе встречи были порой острыми, но и уважительными.

Сейчас, когда речь идет о новой встрече с Президентом США, необходимо, чтобы на ней были приняты конкретные решения, которые стали бы новым шагом в духе Женевы. Необходимы конкретные результаты, и прежде всего в области безопасности.

Таким образом, Вы говорите: нужен жесткий срок, встреча нужна только в том случае, если она что-то даст. Мы говорим: встреча нужна только в том случае, если она что-то даст. Так что, по сути, наши мнения совпадают. Что же касается определенного срока, вопроса о дате встречи и условиях для ее проведения, то об этом мы подумаем.

Мы свою часть работы сделаем. Но и американский конгресс, демократы и другие силы, выступающие с реалистических позиций за нормализацию, выравнивание наших отношений, все они, в том числе сенатор Кеннеди, тоже должны что-то сделать. Мы, конечно, далеки от того, чтобы считать Вас, других членов конгресса, или даже представителей администрации, какой-то «пятой колонной», которая будет работать на нас.

Мы понимаем, что у вас есть своя позиция, своя система взглядов и традиции, и мы никак не хотим это ущемлять. Но дело в том, что у нас с вами есть общая задача – не допустить гибели человечества в ядерной катастрофе. И мы, и вы должны выработать новое мышление, которое соответствовало бы новому этапу, который переживает сейчас мир, новой ситуации, в которой развиваются наши отношения. Мы все должны сейчас подумать о том, что мы можем сделать для того, чтобы решительно улучшить, оздоровить положение.

КЕННЕДИ. Прежде чем мы закончим обсуждение вопроса о сроках, хочу сказать следующее. Вы участвовали во многих переговорах. Я тоже знаю, что такое переговоры. Мой опыт показывает, что когда устанавливается определенный срок, когда говорится, что к определенному времени должны быть приняты определенные решения, то становится совершенно ясно, кто на что готов, кто идет на договоренность, а кто отказывается от нее. Все это становится предметом общественного внимания, вокруг которого могут занимать определенные позиции общественные силы. Тогда они могут говорить с американским народом так, чтобы он их понял.

ГОРБАЧЕВ. Мы сейчас ожидаем ответа Президента Рейгана на Заявление от 15 января. Посмотрим, что он ответит, к чему будет нас приглашать. В свете этого мы и будем определять нашу позицию, учитывая при этом и высказанные Вами соображения относительно установления сроков встречи. Но одно я Вам могу сказать совершенно определенно: на пустую встречу мы не пойдем.

КЕННЕДИ. Я с этим совершенно согласен. И еще раз подчеркну: если будет установлен срок, то, как хорошо известно господину Арбатову, в конгрессе сразу завяжется острая дискуссия, и когда нам будут говорить то, что Америке нужна та или иная система оружия, то мы сможем сказать: подождите, давайте сначала посмотрим, каков будет итог встречи на высшем уровне. Мы сможем отгородить это оружие забором, остановить его продвижение через конгресс. Либо на стадии утверждения программ, либо

уже на стадии ассигнования средств на эти программы мы сможем воспользоваться ожиданием этого важного события, завязать дискуссию по проблемам контроля над вооружениями. Если же все это затянется, то выборы пройдут сами собой, без дискуссии по этому вопросу.

ГОРБАЧЕВ. Во всяком случае, наша политика, позиция, с которой мы обращаемся к нашему народу и к народу США, – это честная позиция. Мы за крупные взаимные сокращения, и, в конечном счете, – ликвидацию ядерного оружия, за широкое экономическое, культурное, научное сотрудничество с США. Ни в какие политические игры мы не играем, демагогией не занимаемся.

КЕННЕДИ. Мне лично кажется, что Президент склонен стремиться к договоренности, но вокруг него есть довольно многочисленная группа лиц, представителей его партии, людей, очень близких к нему, которые не хотят договоренности.

ГОРБАЧЕВ. Я обратил внимание на недавнее обсуждение, имевшее место в консервативных кругах США, на выступления вице-президента Буша и конгрессмена Кемпа в «Фонде наследия» и просто поразился тону этих выступлений. Впечатление такое, что они взялись доказать друг другу, что каждый из них стоит на самом крайнем правом фланге, что они бóльшие католики, чем сам Папа.

КЕННЕДИ. Все-таки не надо придавать слишком большое значение подобным выступлениям. В действительности у американцев глубоко укоренилось стремление к ограничению вооружений, они хотят сокращения вооружений, отказа наших стран от конфронтации. Это глубокое чувство, и это большая сила. Необходимо только сфокусировать его в конгрессе, оказать действие на Президента, а для этого нужна острая дискуссия, нужно сосредоточить внимание на предстоящем событии, определенном времени его проведения, ожидаемых результатах. Надо показать людям, на что готова каждая из сторон, что сделала та или иная сторона, а чего не сделала.

Теперь позвольте задать Вам конкретный вопрос. Верно ли, что Ваше предложение по ядерным средствам промежуточной дальности не обставляется предварительным условием решения вопроса о космосе?

ГОРБАЧЕВ. Да, есть два вопроса, по которым мы готовы двигаться, не выдвигая этого условия. Во-первых, – это прекращение ядерных испытаний и, во-вторых, – ликвидация американских и советских ракет средней дальности в европейской зоне при условии, если Англия и Франция не будут наращивать свои ядерные вооружения и если США не будут передавать ядерное оружие другим странам. Думаю, что эти две темы могли бы быть основными на следующей встрече в верхах. Решение вопроса о ядерных ракетах в Европе имело бы огромное политическое значение. Ведь в Европе ядерное вооружение двух блоков наиболее близко соприкасается друг с другом. И решение этого вопроса воспринималось бы как большой шаг от конфронтации.

КЕННЕДИ. Думаю, что этот аспект вашей позиции не понят у нас. О нем недостаточно знают.

ГОРБАЧЕВ. Так скажите об этом.

КЕННЕДИ. Я сделаю это.

ГОРБАЧЕВ. И я это сделаю.

КЕННЕДИ. Я просто не представляю себе, как им удастся уйти от ответа, если будет понято, что предлагается ликвидация американских «першингов» и крылатых ракет, и ваших аналогичных ракет при условии лишь замораживания английских и французских вооружений. Я понимаю, конечно, что надо будет решать некоторые технические вопросы. Но думаю, что если удастся сосредоточить внимание на ракетах промежуточной дальности, определить четкий срок проведения встречи, допустим, 15 июня, то тоже и в США, и в Европе завяжется активная дискуссия по всему кругу вопросов, поднятых в Вашем Заявлении, – то, чего не происходит сейчас. Пока что у многих нет ясности в вопросе о том, что вы предлагаете по ракетам промежуточной дальности. Думают еще, что вы их как-то

привязываете к космосу. Таким образом, если Вы скажете о том, что этого условия нет, то это будет иметь огромное воздействие. Сам я обязательно об этом буду говорить и уверен, что это произведет большое впечатление в США.

Теперь о другом. Вы, конечно, понимаете, что нынешняя администрация не пойдет на полное запрещение ядерных испытаний. Ясно, что это связано с ее стремлением провести исследования и испытания в рамках СОИ.

ГОРБАЧЕВ. Лучше нас никто этого не знает.

КЕННЕДИ. Лично я неоднократно выступал в США по вопросу о СОИ, говорил о своем несогласии с этой идеей. Правда, я поддерживаю проведение фундаментальных исследований на более низком уровне финансирования и голосовал за выделение на это 1,5 млрд. долларов.

Что, если посмотреть на программу, выдвигаемую Президентом, так сказать, в духе доброй воли и на минутку гипотетически представить, что можно совместить СОИ с сокращением наступательных вооружений. Давайте посмотрим в свете этого на исследовательский аспект СОИ. Эти исследования у нас будут проводиться, и вы их тоже ведете. Причем некоторые такие исследования, в частности лазеров, ведутся и вне лаборатории. Что, если создать основу для совместного советско-американского рассмотрения различных исследовательских программ, ведущихся в обеих странах, на предмет того, соответствуют ли они Договору по ПРО. Может быть, договорившись об этом, мы могли бы также договориться о сокращениях и, во всяком случае, вести переговоры об уменьшении количества таких ракет, как «МХ» или СС-18. Не даст ли это возможность начать движение в обеих этих областях.

ГОРБАЧЕВ. Начну с более общего. То, что мы предложили, – это наша альтернатива планам американской администрации. Американская администрация предлагает разработать и затем когда-то развернуть космические оборонительные системы, которые позволят ликвидировать

ядерное оружие. Мы же предлагаем не тратить национальный доход наших двух стран на создание средств ПРО, потому что хорошо понимаем, к чему оно приведет. Мы предлагаем в течение 15 лет, которые, как говорят, потребуются на создание широкомасштабной ПРО, осуществить поэтапно процесс ликвидации ядерного оружия.

Почему мы отвергаем и будем отвергать СОИ? Не потому, что мы боимся ее или не в состоянии ответить на ее осуществление, а потому, что мы убеждены в том, что ее осуществление приведет к дестабилизации международной обстановки и того равновесия, которое существует сейчас. Нам ясно что лежит в основе плана СОИ. **Ясно, что это не стремление создать оборонительную систему, а стремление нанести удар из-за щита.** Вот что говорил в интервью французскому журналу «Экспресс» министр обороны США К. Уайнбергер: «Если бы Советский Союз создал широкомасштабную систему противоракетной обороны всей страны, то это создало бы исключительно опасную ситуацию, и нам пришлось бы резко нарастить наши наступательные ядерные средства». Это один из тех немногих случаев, когда мы согласны с господином Уайнбергером. Поверните это высказывание наоборот. Что нам придется делать, если Соединенные Штаты создадут космическую противоракетную оборону? Слушать слова сенатора Кеннеди о том, что американский народ хочет мира? Нет, нам придется действовать так, как сказал Уайнбергер. Мы не будем сокращать наши ракеты, не будем помогать США достичь превосходства над нами. Мы сделаем их более мощными, более точными, чтобы они могли преодолеть любой американский щит. Поверьте, я в моем положении не делаю легковесных заявлений и думаю, что Вы понимаете, что я говорю это вполне серьезно, ибо вопрос этот исключительно серьезный.

Мы предлагаем договориться о запрете на космические вооружения. Фундаментальные исследования в лабораториях пусть ведет каждая из сторон, если желает, но оружие в космосе должно быть запрещено.

Для фундаментальных исследований не надо выходить за пределы лаборатории. Если нужно, скажем, разработать программное обеспечение для осуществления полета на Марс, то это можно сделать и в лаборатории.

Еще раз повторяю: **если оружие в космосе не будет запрещено, то сокращение наступательных вооружений будет невозможным.**

Может быть, будет звучать резко, если я скажу: американцам надо взяться за голову, задуматься. Не в их интересах, если Советский Союз окажется в ситуации, когда он будет считать, что его безопасность уступает безопасности США. И если Вы посмотрите на наше Заявление от 15 января, то увидите, что мы позаботились о том, чтобы на каждом этапе осуществления нашей программы не пострадали интересы безопасности ни США, ни Великобритании, ни Франции, ни любой другой страны.

Сейчас ситуация такова что, если одна из сторон чувствует, что ее безопасность меньше, чем у другой, то и безопасность той другой страны не является настоящей безопасностью, что бы там ни говорили некоторые лица независимо от того, какие высокие посты они занимают. Мы хорошо понимаем это. Почему же этого не хотят понять Соединенные Штаты? Думаю, потому, что в Соединенных Штатах еще живы иллюзии о возможности достичь какого-то превосходства над СССР, пользуясь на этот раз лидерством в вычислительной и информационной технологии. Теперь вот хотят вырваться вперед через космос, достичь превосходства таким образом.

Но сколько же иллюзий подобного рода уже было в США! Сначала хотели добиться превосходства с помощью водородной бомбы, потом с помощью разделяющихся боеголовок. Но ведь ничего из этого не вышло. Какой же урок нужен администрации, американским политическим кругам?

Мы хорошо понимаем, что будет, если гонка вооружений перекинется на космос. Мы знаем, что такое космическая техника и что с ней может происходить, будь то «Шаттл» или «Буран». **А если космос будет начинен сотнями, тысячами единиц оружия? Ведь тогда решения принимались бы не политическими деятелями, а компьютерами.**

Как видно, военно-промышленный комплекс схватил нынешнюю администрацию за горло и не отпускает ее. Что же получается? Нам говорят, что система свободного предпринимательства, капиталистическая система является более эффективной, имеет больший потенциал, чем плановая социалистическая экономика. А оказывается, что вашей экономической системе нужна гонка вооружений, без нее она не может существовать.

КЕННЕДИ. Я думаю, что и у Вас, и у меня достаточный политический опыт, чтобы не придавать слишком большого значения тому, что говорит какой-нибудь генерал или министр обороны.

ГОРБАЧЕВ. Но ведь американский политический процесс развивается именно в этом контексте, американская реальность пока что развивается по Уайнбергеру.

КЕННЕДИ. Даже если Вы возьмете делегатов на съезде Республиканской партии, выдвинувшем Рейгана, т. е. консерваторов, то половина из них – за замораживание ядерного оружия. В общем-то, они понимают, что между Советским Союзом и США существует сейчас примерно эквивалентное соотношение сил. Таково мнение американцев. И если Вам говорят, что среди американцев значительное число людей за гонку вооружений, то Вас неправильно информируют. Конечно, в администрации есть люди, которые хотят продолжения гонки вооружений, но не этого хочет американский народ, не этого хотят члены нашего конгресса.

ГОРБАЧЕВ. Назовите мне хоть одно конкретное решение, хоть одну систему оружия, которая была отменена решением конгресса.

КЕННЕДИ. Приведу хотя бы тот факт, что в то время как администрация требовала ассигнований на 200 ракет «МХ», на последней сессии конгресса их число было сокращено до 50. Вы, наверное, знаете также и то, что выделение средств на другие программы конгресс оговорил условием прекращения испытаний противоспутникового оружия.

А теперь давайте оставим в стороне мнение Уайнбергера и посмотрим, нельзя ли что-то сделать в области Договора по ПРО. Лично я являюсь его

горячим сторонником. Нельзя ли договориться о том, чтобы советские и американские ученые совместно проводили оценку каждой конкретной программы, каждого исследовательского проекта с тем, чтобы определить, соответствуют ли они Договору по ПРО. И если советская сторона будет считать, что та или иная американская программа является нарушением этого договора, она сможет требовать прекращения такой программы.

ГОРБАЧЕВ. Мы, разумеется, за то, чтобы Договор по ПРО продолжал действовать. Это одна из немногих вещей у нас с вами, которая работает. Мы никогда ничего не сделаем, что подрывало бы Договор по ПРО, если нас к этому не вынудят.

До последнего времени с Договором по ПРО, казалось бы, все было ясно. Каждый год Агентство по контролю над вооружениями и разоружению представляло в конгресс сообщение о том, что договор соблюдается, и, стало быть, было общее понимание того, что он разрешает и чего не допускает. Но, когда на горизонте появилось космическое оружие, пока еще только в лабораториях, сразу стали искать юристов, которые доказали бы, что СОИ укладывается в Договор о ПРО. И поскольку серьезных юристов, которые сказали бы это, не нашлось, нашли человека, который занимался юридическими вопросами, связанными с порнографией, и он придумал «расширенное толкование» Договора о ПРО, а господин Макфарлейн после этого выступил в поддержку такого толкования о ПРО.

Это я сказал только так, к слову. Я не хотел бы вдаваться в полемику. Хочу еще раз подчеркнуть: мы за Договор по ПРО, хотим, чтобы он продолжал действовать.

КЕННЕДИ. Хочу все-таки уточнить, что, когда администрация приводила это расширенное толкование о ПРО, она говорила, что имеет право на такое толкование, однако не будет им пользоваться, а будет проводить все исследования в рамках более узкого толкования. Такова сейчас официальная позиция американского правительства.

Но давайте отложим в сторону риторику, поговорим об исследованиях. Некоторые исследования, проводимые в рамках СОИ, видимо, допустимы. У вас тоже есть исследования в области стратегической обороны, я имею в виду Сары-Шаган (*Сары-Шаган – военный полигон в Казахстане, созданный в 1956 году для разработки и испытаний противоракетного оружия.*), исследования в области лазеров и т. д. Почему бы не создать процедуру, в рамках которой советские и американские ученые могли бы проводить анализ ведущихся исследований и настаивать на том, чтобы они соответствовали самому строгому толкованию Договора по ПРО.

ГОРБАЧЕВ. Я бы, во-первых, хотел сказать, что мне близки идеи, выдвинутые вашим ученым К. Саганом, о которых сообщается сегодня в наших газетах. Я тоже думаю, что нашим ученым следовало бы подумать о возможности совместного полета на Марс, изучить все технические аспекты такого предприятия и т. д. Наверное, это повлекло бы за собой те технические вопросы и разработки, которых ваша промышленность ожидает сейчас от СОИ. Кроме того, я выдвинул в Париже идею, о которой говорил потом Президенту Рейгану: пусть наши и ваши ученые осуществят, скажем, в Вене, совместный проект термоядерного энергетического синтеза. Его осуществление помогло бы миру решить такую важную глобальную проблему, как энергетическая.

Вы предлагаете какие-то контакты ученых, обмен и сопоставление мнений. Это мне не совсем ясно. Что, это как-то связано с идеей открытых лабораторий?

КЕННЕДИ. Разрешите пояснить. У обеих наших стран есть программа ПРО. И вы, и мы ведем некоторые исследования по стратегической обороне. Некоторые из них полностью укладываются в рамки Договора по ПРО, например исследования, касающиеся средств ПРО наземного базирования. Возможны и какие-то допустимые космические исследования, например запуск в космос лазера для калибрационной проверки. Но я предлагаю: если какая-то программа выходит за пределы лабораторий, то ее осуществление

требовало бы совместной санкции советских и американских ученых, которые удостоверили бы ее соответствие Договору по ПРО. Вот предлагаемый мною критерий. У обеих сторон будет при этом право вето.

ГОРБАЧЕВ. Все-таки поставленный Вами вопрос находится несколько в стороне от центральной проблемы, проблемы того, быть или не быть оружию в космосе. Ведь предлагаемые Вами контакты не повлияют на судьбу ядерного оружия, ибо до тех пор, пока не будет запрета на космическое оружие, СССР и США не будут вести сокращения наступательных ядерных вооружений. Конечно, предлагаемые Вами обсуждения могли бы, может быть, внести ясность в некоторые важные технические аспекты, но главного вопроса они бы не решали.

Если же договориться о том, что в космосе не будет оружия, не будет космического ПРО, то тогда в действие вступила бы вторая часть нашего предложения – было бы проведено 50-процентное сокращение ядерных вооружений, а затем их поэтапная полная ликвидация. Американская позиция, насколько я ее понимаю (и, кстати, она нашла отражение и в Вашей идее о том, чтобы оценивать соответствие тех или иных вооружений Договору по ПРО), заключается в том, что надо договориться о том, какие вооружения в космосе допустимы. А мы говорим, что надо договариваться о том, как закрыть космос для оружия.

КЕННЕДИ. Но я как раз считаю, что просто невозможно представить себе систему противоракетной обороны космического базирования, которая соответствовала бы договору. Мое предложение позволило бы перебросить мостик от американской позиции, утверждающей, что наши исследования будут соответствовать Договору по ПРО, и вашей позиции о том, что не должно быть оружия космического базирования.

Поскольку и у вас, и у нас ведутся определенные исследования, в том числе и вне лаборатории, мое предложение позволяло бы прекращать их в том случае, если налицо нарушение Договора по ПРО. Это позволило бы

сосредоточить внимание на конкретных программах и проектах, обсуждать конкретно программу космоса.

Сейчас дело ограничивается заявлениями. Уайнбергер делает свои заявления. Вы в ответ говорите, что вам придется нарастить количество ракет и т. д. Администрация утверждает, что она начала с малого, но если можно будет сосредоточить внимание на тех конкретных шагах, которые были бы нарушением Договора по ПРО, то это позволило бы предъявить американской стороне конкретные вещи. Нужен конкретный ориентир, в этом вопросе также нужно говорить о конкретных действиях конкретного времени.

Что же касается лаборатории, то я не уверен, что тут можно что-то доказать. Причина та же, о которой говорили Вы. Есть разные юристы, которые возьмутся доказать что угодно.

Я понимаю Вас. Вы не можете рисковать. Но я предлагаю, чтобы ваши представители присутствовали бы на каждом этапе, давали оценку происходящему. Если необходимо, можно было бы обратиться ко всему миру с определенными, конкретными вещами.

ГОРБАЧЕВ. Давайте резюмируем так. Мы за то, чтобы Договор по ПРО продолжал действовать. Мы подтверждаем нашу приверженность ему, и никогда не станем инициаторами любого отхода от этого договора.

И мне просто непонятно, почему нельзя собрать вместе эти элементы – подтверждение эффективности Договора по ПРО и договоренность о немилитаризации космоса. Такая договоренность содействовала бы укреплению договора. Ведь ясно, что если договор будет подорван, если под него будет подведена мина, то это будет сделано именно через космос.

При этом мы не отрицаем возможности обсуждения. Такие обсуждения ведутся уже в советско-американской постоянной консультативной комиссии, где подобные вопросы время от времени поднимаются и обсуждаются. Но главное сейчас – не уходить от вопроса о запрещении космического оружия. Никакие другие шаги, например предлагаемые Вами,

не могут служить оправданием для ухода от этого вопроса. Никакое другое решение не позволит решить вопрос достаточно надежно и с уверенностью.

КЕННЕДИ. Хочу затронуть теперь сферу, которая приобретает большое значение, если удастся добиться договоренности.

В вашей системе, когда ведутся и завершаются переговоры, разработанная договоренность затем одобряется Вами и ратифицируется. Когда мы рассматриваем договоры о вооружениях, я исхожу из твердого убеждения, что единственным критерием их оценки должно быть соответствие интересам безопасности СССР и США. Я убежден, что можно добиться в этом значительного прогресса и что не нужно увязывать это ни с какими-то другими вопросами. Но важным фактом американской политической жизни является то, что при ратификации договоров в США такая увязка играет существенную роль. Мне лично это не нравится. Но так обстоит дело в нашей политической системе.

ГОРБАЧЕВ. Да, то же самое говорил мне Президент в ходе одной из наших бесед. Это был его мостик к обсуждению вопросов о правах человека, гуманитарных вопросов. Я изложил Президенту свои аргументы.

Я сказал Президенту: нам известно, что, когда администрация хочет чего-то добиться, она того, как правило, добивается.

Я сказал также Президенту, что если у вас есть какие-то проблемы в плане ратификации, в плане отношений с конгрессом, то это — ваши проблемы. Почему Советский Союз должен страдать от каких-то особенностей американского политического процесса? Никто не должен вмешиваться во внутренние дела других стран. У вас говорят, что Америка — «сияющий город на холме». Но мы видим и «зияющие» вещи.

Я убежден, что вести дела таким образом с Советским Союзом — это просто несерьезно. Президент все пытался убедить меня в том, как нашим людям плохо в Советском Союзе. Я должен был сказать ему, что в его стране очень много людей, которым куда хуже у себя в Америке. И просто, повторяю, несерьезно, ведя речь о политических отношениях, о проблемах

безопасности и мира, притягивать к ним подобные проблемы. Эти проблемы можно рассматривать, обсуждать и решать. Мы знаем о том, что Вы лично проявляете интерес к определенным проблемам гуманитарного характера, и, как Вам известно, все Ваши обращения были тщательно рассмотрены, и, когда возможно, мы принимаем по ним соответствующие решения. Сейчас некоторые такие вопросы, которые Вы поднимали, созрели для решения. Мы рассмотрели их в позитивном духе. Но никогда мы не допустим, чтобы американский конгресс или американский Президент вмешивались в наши внутренние дела.

Что же касается газет, то пусть ваши газеты пишут свое, а наши – свое. Но если не будут прекращены попытки вмешиваться во внутренние дела, то тогда просто невозможно будет построить между нашими странами политические отношения, основанные на взаимном доверии.

КЕННЕДИ. Во-первых, хочу выразить искреннюю признательность за то внимание, которое Вы уделили вопросам, поднятым мною относительно некоторых семей. Но я в то же время не хотел бы, чтобы у Вас, господин Генеральный секретарь, не было полной ясности относительно глубины моей приверженности правам человека, гражданским правам.

Я буду и впредь отстаивать в сенате интересы людей. Я решительно выступаю против нарушения прав человека в Чили, где я был неделю назад, столь же решительно я говорил об Аргентине, Уругвае, Бразилии. И, откровенно говоря, если сейчас некоторые основные права человека в этих странах восстановлены, то, думаю, в немалой степени в результате тех усилий, которые я прилагал, в результате моих непрекращающихся требований о том, чтобы был положен конец пыткам, исчезновениям людей, убийствам.

ГОРБАЧЕВ. Но чего Вы хотите в этом плане от Советского Союза?

КЕННЕДИ. Позвольте сказать Вам следующее. Вы сделали исключительно важное Заявление о ликвидации ядерного оружия. Сегодня Вы говорили так ярко и страстно, что никто, думаю, не может поставить под

сомнение Ваше искреннее стремление к прогрессу в этой области. Но факт то, что Ваше Заявление продержалось на страницах американских газет один день, а Щаранский – пять дней. Это та американская политическая реальность, с которой приходится считаться.

ГОРБАЧЕВ. Мы учитываем реальности американской политики. Но танцевать под чужую музыку мы не будем никогда.

И что же это за пресса у вас? Делается предложение о путях решения самого важного вопроса человечества, вопроса – быть или не быть. И оно обсуждается лишь один день, а политические спекуляции сионистов о наших евреях, которые не нуждаются в их услугах, спекуляции, направленные лишь на то, чтобы очернить Советский Союз, повторяются вновь и вновь.

Мы со всей ответственностью можем заявить о том, что в нашей стране при социализме все люди, все национальности имеют равный доступ к участию в политическом процессе, к работе, к образованию, к медицинскому обслуживанию, к жилью. Это относится ко всем, в том числе и к евреям.

Мы хорошо знаем, как возникла идея использовать вопрос о правах человека. Мы помним директиву Президента Картера, где было сказано, что разрядка не оправдала ожиданий США, и предлагалось использовать «права человека», чтобы торпедировать ее.

Президент Рейган начал с использования вопроса о терроризме. А потом и он подхватил «идею» Картера о «правах человека».

Знаете, так наш разговор можно продолжать до бесконечности. Но я думаю, мы можем сказать, что хорошо с Вами поговорили. Я рад, что познакомился с Вами. И надеюсь, что высказанные мною соображения найдут отклик у Вас. Мы в свою очередь подумаем о том, что сказали Вы. Что же касается гуманитарной сферы, то давайте договоримся так. Вы будете жить в США, исходя из своих ценностей и принципов, а мы в Советском Союзе будем жить так, как мы хотим. А конкретные вопросы, в частности прежде всего вопросы воссоединения семей, мы всегда готовы рассматривать. И если при этом не нарушаются интересы безопасности

нашего государства, мы готовы принимать положительные решения. Но никакие попытки вмешиваться во внутренние дела нашей страны и диктовать нам, – кто бы их ни предпринимал, какой бы высокопоставленный деятель этого ни добивался, – ни к чему не приведут.

КЕННЕДИ. Я это понимаю. Кстати, Президент Дж. Кеннеди в одном из самых знаменитых своих выступлений сказал, что задача руководителей – обеспечить в мире безопасность в условиях разнообразия.

ГОРБАЧЕВ. Это верно. Кстати, мы ведь не говорим о США только негативные вещи. Мы уважаем американский народ.

А проблема, которая действительно стоит сейчас перед человечеством в нынешнем реальном мире, проблема, которая действительно является наиболее острой, – это как найти ту политическую мудрость, я бы сказал, политическое мужество, которые позволят добиться позитивного перелома, позитивного развития наших отношений.

КЕННЕДИ. Да, и самое главное при этом – добиваться прогресса в решении вопросов, связанных с ядерным оружием.

Думаю, Вам стоило бы учитывать, что на Президента Рейгана все-таки можно повлиять. Но для того, чтобы он менял свою позицию, необходимо, как я Вам говорил, заставить его почувствовать воздействие общественного мнения, создать такое общественное мнение.

В заключение хотел бы выразить надежду, что будут достигнуты договоренности, которые позволят Вам посетить с визитом нашу страну. И когда Вы приедете, хотел бы пригласить Вас посетить Бостон и мемориальную библиотеку Президента Дж. Ф. Кеннеди.

ГОРБАЧЕВ. Спасибо за это приглашение. Я хотел бы в заключение выразить удовлетворение нашей с Вами беседой.